

Рассылается по специальному списку

№ 000074

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть первая

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА

Выпуск первый

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1983

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

**МАРКСИЗМ
В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

Часть первая

**ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА**

Выпуск первый

STORIA DEL MARXISMO

Volume terzo

IL MARXISMO NELL'ETA DELLA TERZA INTERNAZIONALE

I

**DALLA RIVOLUZIONE D'OTTOBRE
ALLA CRISI DEL'29**

Giulio Einaudi editore
Torino — 1980

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть первая

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА

Перевод с итальянского

Выпуск первый

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1983

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
ЭРИК ХОБСБОМ	
Вступление	15
ИЗРАЭЛЬ ГЕТЦЛЕР	
Октябрь 1917 года: марксистская дискуссия о революции в России	23
1. Экономическое развитие, социальные преобразования, власть	24
2. Столкновение со «старыми большевиками»	31
3. Большевики против «диктатуры меньшинства»	40
4. Детерминизм Каутского	50
5. Роза Люксембург: свобода и социализм	54
6. Большевизм и социал-демократия в критике Отто Бауэра	58
МИХАИЛ РЕЙМАН	
Большевики от первой мировой войны до Октября	69
1. Мировая война и переворот в эволюции большевизма	69
2. Российская революция 1917 года: «Апрельские тезисы»	78
3. Кризис революционного процесса и позиция социалистических партий. «Государство и революция»	87
4. Октябрьская революция: победа большевиков и ее итоги	97
МОНТИ ДЖОНСТОН	
Ленин и революция	103
1. Первые годы	103
2. Партия как авангард	105

3. Революционные перспективы	107
4. Государство. Какого типа?	109
5. Партия и власть после Октября	117
6. Ленин как международный руководитель	126

ВИТТОРИО СТРАДА

Ленин и Троцкий 128

1. Роль личности в истории: орудия и действующие лица	130
2. Наследие народничества и западноевропейский опыт	132
3. Исторические законы и исторический момент	137
4. Две революционные парадигмы	139

БАРУХ КНЕЙ-ПАЦ

Троцкий: перманентная революция и революция отсталости 143

1. Маркс, Парвус и вопрос о характере русской революции	150
2. Социология русской истории	154
3. Теория отсталости	158
4. Революция отсталости	162
5. От социологии к политике: отсталость и большевизм	170

ИЗРАЭЛЬ ГЕТЦЛЕР

Мартов и меньшевики до и после революции 177

1. Ортодоксальность меньшевиков и революция	177
2. Поражение Мартова	183
3. Призрак бонапартизма	189
4. Борьба с «марксистской совестью»	194

ЭРВИН ВАЙССЕЛЬ

Социалистический Интернационал и дискуссия о социализации 202

1. Вызов и ответ	203
2. Полная и частичная социализация	205
3. Дискуссия о дополнительных мерах	210
4. Практические попытки	212
5. Разочарования и крах	214

Социал-демократия и австромарксизм 222

1. Основные характеристики и первоначальные границы 223
2. «Великая партия в малой стране» 228
3. Ценности и противоречия 232
4. Линцская программа 236
5. «Интегральный социализм» 240

ДЖАКОМО МАРРАМО

Между большевизмом и социал-демократией:
Отто Бауэр и политическая культура
австромарксизма 245

1. Отто Бауэр и Октябрьская революция 245
2. Предвоенный период австромарксизма: от «Bernstein-Debatte»
к полемике с Каутским 255
3. От диаспоры в «национальном вопросе» к коалиционному пра-
вительству 265
4. От «большой Венны» и «красной Вены»: демократия как «состоя-
ние равновесия» и парадоксы «народной республики» 274
5. Дискуссии о демократии и диктатуре: от Линцкого съезда до
поражения 294

МОНТИ ДЖОНСТОН

Передовая ленинская партия—политическое
орудие нового типа 306

1. Ортодоксальная традиция 307
2. Сознательность и стихийность 311
3. Большевики и меньшевики 315
4. Критика со стороны Троцкого и Розы Люксембург 319
5. Образец массовой партии (1905—1907) 322
6. Демократический централизм, партия и фракционность 323
7. Война и Интернационал 330

АЛЬДО АГОСТИ

Основатели международного
коммунистического движения 332

1. Программа 333
2. Кого принимали в III Интернационал 336

3. Процесс отбора	355
4. Между I и II конгрессами Коммунистического Интернационала	360

МИЛОШ ГАЕК

Левый коммунизм 366

1. Концепция социалистической революции	366
2. Отношение к левым социалистам, парламенту и профсоюзам	369
3. Вопрос о путчах	374

АЛЬДО АГОСТИ

Мир III Интернационала: «генеральные штабы» 379

1. Мировая революция и «всемирная партия революции»	380
2. Международные руководящие группы	385
3. «Теоретики» и «теория» в деятельности Коммунистического Интернационала	413
4. Национальные руководящие группы	421
5. Роль внутренних и внешних факторов в развитии руководящих национальных групп	432

МИЛОШ ГАЕК

**Дискуссия о едином фронте
и неудавшаяся революция в Германии** 441

1. Революционный подъем	442
2. «Марна немецкой революции»	446
3. Путчизм и пролетарский класс	451
4. Политика единого фронта	458
5. Стабилизация капитализма и «социал-фашизм»	461

МИЛОШ ГАЕК

Большевизация коммунистических партий 464

1. Появление лозунга большевизации	464
2. Эволюция коммунистических партий в период стабилизации	468
3. Большевизация в организационной сфере	473
4. Большевизация в идеологической сфере	476
5. Национальный вопрос в Европе	480

Монти Джонстон

ПЕРЕДОВАЯ ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ — ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУДИЕ НОВОГО ТИПА

«...Крах старых «социал-демократических» партий II Интернационала ни в коем случае нельзя изображать как крах пролетарской партийности вообще,— заявил II конгресс Коммунистического Интернационала в июле 1920 года.— Эпоха непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата родит новую партию пролетариата — Коммунистическую партию»¹.

В отличие от II Интернационала, который предвидел и содействовал образованию в каждой стране единой рабочей партии, включающей различные составные части социалистического движения², II Интернационал в своем 21 условии допуска в организацию настоятельно требовал «абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой центра», а также с руководителями, которые отождествляли себя с этой политикой. Так, объединение венгерских коммунистов с левыми социал-демократами в 1919 году приводилось в качестве отрицательного примера³. Старые социал-демократические программы необходимо было заменить другими, коммунистическими⁴. В отличие от старых партий II Интернационала, занимавшихся в основном парламентской деятельностью, мирной и легальной, новые коммунистические партии «не могут питать доверия к буржуазной законности» и они должны быть готовыми к «сочетанию легальной и нелегальной работы»⁵.

Конгресс единодушно принял документ «Роль коммунистической партии в пролетарской революции», в котором пред-

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. Партиздат, Москва, 1933, с. 105—106.

² G. D. H. Cole. A History of Socialist Thought. Vol. II: The Second International. London, 1963, part I, p. 54. Автор цитирует резолюцию Амстердамского конгресса 1904 года, в которой говорится, что, «поскольку существует лишь один пролетариат», в каждой стране должна существовать лишь одна социалистическая партия.

³ Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932, с. 102, 101.

⁴ Там же, с. 103.

⁵ Там же, с. 101.

сказывалась близость «решительного часа»⁶. В этом документе коммунистическая партия названа «сплоченной организацией лучшей части рабочего класса». Она впитывает в свои ряды «наиболее стойких, наиболее дальновидных, наиболее передовых борцов рабочего класса»⁷.

Необходимо создавать «ячейки» на каждом заводе, в каждом профессиональном союзе, в каждом кооперативе, в любой мастерской, в каждом батрацком комитете, не говоря уже о Советах⁸. «Коммунистическая партия должна быть построена на началах демократического централизма. Главным принципом демократического централизма является выборность высшей ячейки низшей ячейкой, абсолютная обязательность всех директив высшей ячейки для ячейки, подчиненной ей, и наличие властного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителей партийной жизни от съезда к съезду»⁹.

Предлагая этот документ II конгрессу, председатель Коминтерна Зиновьев в качестве образца ссылался на опыт большевистской партии Ленина: «Если мы хотим использовать опыт русской революции, нам следует прежде всего признать необходимость такой коммунистической партии, которая была бы исключительно централизована и обладала железной дисциплиной. В условиях яростной гражданской войны, которую мы переживаем, другой альтернативы не существует. Нет альтернативы железной партии, сплоченной в едином блоке. У русских рабочих все вы должны учиться тому, с чего действительно следует брать пример... День за днем в течение двадцати лет мы ковали это оружие, партию, большевистскую партию, ставшую коммунистической. Вот вам лучший пример»¹⁰. Большевики одержали первую победу, совершили социалистическую революцию, и было неизбежно, что это увеличит притягательную силу партии, которая могла гордиться столь великой победой. Здесь мы хотели бы рассмотреть ту полемику и тот сложный опыт, в результате которых в течение двух десятилетий «выковалась» эта ленинская партия «нового типа», поскольку тезисы Коминтерна и речь Зиновьева дают нам об этом несколько одностороннее представление.

1. Ортодоксальная традиция

Ни один марксист ни до, ни после Ленина не уделял так много внимания, как он—и в теории, и на практике,—вопро-

⁶ Там же, с. 104.

⁷ Там же, с. 108.

⁸ Там же, с. 110.

⁹ Там же, с. 109.

¹⁰ Речь Зиновьева на II конгрессе 23 июля 1920 года см. в: The Second Congress of the Communist International. London, 1977, p. 58—59.

сам партии. В отличие от Маркса и Энгельса¹¹ большую часть своей жизни Ленин был главой и организатором революционной партии, которая, кроме всего прочего, сыграла беспрецедентную роль образца для других братских партий как в национальной, так и в международной истории, оказывая на нее и прямое, и косвенное влияние. Ленин уделял максимум внимания организационным вопросам. Он говорил: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации», и что «...пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса»¹².

Однако было бы серьезной ошибкой считать Ленина лишь простым «организатором» или сводить его концепцию партии к единственно организационной модели. Как мы увидим ниже, у Ленина так же, как и у Маркса и Энгельса, моделей партий было немало¹³. Основываясь на собственном теоретическом анализе и политической оценке различных условий, преобладающих в определенный момент в определенной стране, Ленин время от времени выступал то за узкокадровую, то за массовую партию и за внутреннюю структуру, которая шла от конспиративной верхушечности и до самой широкой демократии. Постоянно «сохраняя свой коренной тип», писал Ленин в 1913 году, партия «умела приспосабливать свою форму к изменившимся условиям, умела видоизменить эту форму соответственно требованиям момента»...¹⁴ Общей для всех моделей была идея централизованного авангарда, способного слить воедино теорию и социалистическое сознание со стихийным движением рабочего класса.

Когда в 1902 году в «Что делать?» Ленин сформулировал свои идеи о задачах рабочей партии в России, он еще считал, что к особым условиям в своей стране необходимо применять ортодоксальные марксистские понятия. Эти концепции восходили к «Манифесту Коммунистической партии» 1848 года, в котором Маркс и Энгельс говорили, что «...в теоретическом отношении у них [коммунистов.— *Ред.*] перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода

¹¹ Лишь в 1847—1852 годах Маркс и Энгельс входили в партийную организацию «Союз коммунистов»; с 1864 года (а Энгельс с 1870 года) до 1872 года они руководили деятельностью Международного товарищества рабочих (I Интернационал).

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 403, 403—404.

¹³ H. Bartel, W. Schmidt. Zur Entwicklung der Auffassungen von Marx und Engels über die proletarische Partei. — In: Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung, hrsg. von H. Bartel. Berlin, 1970, p. 7—101; M. Johnstone. Marx and Engels and the Concept of the Party. — In: Socialist Register, ed. R. Miliband and J. Favell. London, 1967, p. 121—158.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 29.

и общих результатов пролетарского движения»¹⁵. Ленин также считал, что идея рабочей партии, включающей наиболее прогрессивную часть пролетариата, дополняет, а не противоречит концепции Маркса, согласно которой «освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих»¹⁶. В 1883 году Плеханов в своем произведении «Социализм и политическая борьба» (труд, от которого «берет начало история революционной демократии в России»¹⁷) писал насчет особых условий, в которых действовала «Группа освобождения труда», первая русская марксистская организация, основанная им же в этом же году: «Русские социалисты могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего класса, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России»¹⁸. Указание, содержащееся в этом абзаце и относящееся к руководящей роли социалистической интеллигенции, Плеханов вновь повторил в 1895 году в «Наших разногласиях»¹⁹, труде, который содержал «практически все основные идеи, являвшиеся профессиональными орудиями труда русского марксизма вплоть до конца века»²⁰.

Ленин находился под довольно сильным влиянием немецкой социал-демократии и ее Эрфуртской программы 1891 года, в которой перед партией ставилась задача «формировать (gestalten) эту борьбу рабочего класса (за политическую власть) в сознательное и единое движение, указывая ему нужную (naturnotwendiges) цель»²¹. В частности, он заимствовал у ведущего немецкого теоретика Карла Каутского (автора одной из важнейших частей программы²², а также очень толкового комментария) в качестве определения название одной из глав — «Социал-демократия: соединение социализма

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 437.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 330.

¹⁷ Д. Рязанов. Предисловие к: G. Plechanov. Fundamental Problems of Marxism. London, 1941, p. IX.

¹⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах. М., Госполитиздат, 1954, т. 1, с. 119.

¹⁹ См. там же, с. 115—370.

²⁰ M. N. Pokrovsky. Brief History of Russia. London, 1953, vol. I, p. 230.

²¹ Geschichte der Deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1966, Bd. I, S. 431.

²² M. L. Salvadori. Kautsky e la rivaluzione socialista 1880—1936. Milano, 1976, p. 26.

с рабочим движением»²³. Приводя эту формулу Каутского и предвосхищая «Что делать?», Ленин писал в 1899 году, что задача социал-демократии — «внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью революционной партии»²⁴.

Подчеркнув необходимость анализа как революционного опыта Западной Европы, так и опыта России, Ленин продолжал, делая акцент на том, что «готовых образцов нам искать нигде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западно-европейское... А с другой стороны, русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России, так что необходимость учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники (мы несколько не колеблясь признаём эту необходимость) отнюдь не избавляет нас от обязанности критически относиться к ним и самостоятельно выработать свою организацию»²⁵.

Хотя в «Что делать?» Ленин, как мы увидим дальше, позаимствовал у Каутского одно из ключевых понятий, исключительно большая разница видна между тем, какое значение придавал активной пропагандистской деятельности Ленин, и в какой-то мере фаталистическим отношением к этому в работах Каутского. Характерно, например, что часть комментариев Каутского к Эрфуртской программе, которая называется «Рабочая партия», написана в более общих чертах и проникнута понятиями закона естественной необходимости («*Naturnotwendigkeit*»), которая в капиталистических странах приведет рабочий класс к образованию партии и неизбежно к победе социализма. Для пролетариата это будет «радостной вестью, новым евангелием»²⁶. Все написанное Лениным о партии, наоборот, исключительно специфично, поскольку касается особых организационных задач, связанных с политической обстановкой того времени. Не приемля волюнтаризма, против которого все последующие двадцать лет он будет жестоко биться внутри партии, Ленин особо подчеркивал значение субъективного в революционном процессе. «Говорить же,— писал он в «Искре» в декабре 1901 года,— что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могут совлечь

²³ К. Kautsky. Il programma di Erfurt. Roma, 1971, p. 187—189.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 189.

²⁵ Там же, с. 190.

²⁶ К. Kautsky. Il programma di Erfurt, cit., p. 179—182.

движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов,— это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении»²⁷. Социал-демократы должны взять «в свои руки» руководство «общедемократическим движением», сознавая, что «массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом, и, наконец, последним решительным нападением»²⁸.

В «Что делать?» Ленин афористически выразил свою активную позицию в знаменитой фразе: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»²⁹ Существенно различный взгляд на объективный и субъективный факторы у Каутского и у Ленина отражал противоположность между выжидательностью и активностью соответствующей политической практики. Таким образом, уже в начале века в зародыше существовали основные отличительные черты, которые привели впоследствии к великому расколу между традиционными партиями II Интернационала, с одной стороны, и большевизмом, а потом и партиями Коммунистического Интернационала — с другой.

2. Сознательность и стихийность

«Что делать?» ставило целью «полемически» исправить «экономизм»³⁰ (который в немецких условиях и в международном плане Ленин отождествлял с бернштейнским ревизионизмом³¹), с его убеждением, «что можно развить классовое политическое сознание рабочих... *изнутри*»³², то есть отталкиваясь от их стихийной борьбы на рабочих местах. Проблема отношений между стихийностью масс и сознательностью социал-демократии (так озаглавлена вторая глава) занимает основное место в этом труде и, более того, в ленинской концепции партии. Утверждая, что «*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*»³³, Ленин цитировал слова Энгельса об «обязанности» социалистических «вождей» «все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам», изучать со-

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 363.

²⁸ Там же, с. 365.

²⁹ Там же, т. 6, с. 127.

³⁰ Там же, т. 16, с. 107.

³¹ Там же, т. 6, с. 7.

³² Там же, с. 79.

³³ Там же, с. 25.

циализм «с тех пор, как он стал наукой», и «приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием...»³⁴. Выступая против идеи, что «чисто рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию», Ленин цитировал «глубоко справедливые и важные слова Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии» (Вена, 1901), которая должна была заменить Гайнфельдскую программу (1888—1889): «...социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания... Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von aussen Hineingetragen) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (irgüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая Гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы»³⁵.

Предоставленный себе, утверждал Ленин, «своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское»³⁶. Однако, добавлял он, «это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма... участвуют... лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще...»³⁷. В течение всей своей политической жизни Ленин придавал огромное значение воспитанию и формированию рабочих кадров («русских Бабелей») в партии. То, что в прошлом эти теоретические

³⁴ Там же, с. 27.

³⁵ Там же, с. 38, 39.

³⁶ Там же, с. 30.

³⁷ Там же, с. 39, примечание.

³⁸ Там же, с. 171.

силы происходили из интеллигентской среды, вовсе не означало, что так будет продолжаться и впредь.

Признавая, что «рабочий класс *стихийно* влечется к социализму», он, однако, подчеркивал, что «...наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»³⁹. И это потому, что буржуазная идеология более развита, «гораздо старше, чем социалистическая», и к тому же «обладает *неизмеримо* большими средствами распространения». Стихийность и сознательность не разделяются механически; подчеркивается их диалектическая связь. В самом деле, Ленин утверждал, что «стихийность стихийности — рознь» и рабочие вовлечены в борьбу, в которой «„стихийный элемент“ представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности»⁴⁰. Однако эта сознательность не может стать развитой социалистической сознательностью без партии, вооруженной теорией и обладающей теоретиками, анализирующими политическое, экономическое и социальное развитие в самом широком смысле этого слова: «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это сознание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами»⁴¹.

При попытке развить гегемонию рабочего класса в борьбе за демократию «...идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а *народный трибун*, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались...»⁴².

В 1907 году Ленин отмечал: «Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии»⁴³. Особые формы организации партии, которую он защищал в своем труде, относились к условиям царской России 1902 года, когда первоочередной задачей партии являлось... «разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также... и азиатской реакции...»⁴⁴.

³⁹ Там же, с. 41, примечание.

⁴⁰ Там же, с. 29—30.

⁴¹ Там же, с. 79.

⁴² Там же, с. 80.

⁴³ Там же, т. 16, с. 101.

⁴⁴ Там же, т. 6, с. 28.

В то время задача заключалась в том, чтобы на место тогда разрозненных социал-демократических кружков с их дилетантскими методами поставить высокоцентрализованную партию, способную вести эффективную борьбу против этого врага. «...В самодержавной стране, чем более мы *сузим* состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию»⁴⁵. Отсюда необходимость воспитать как можно больше «*профессиональных революционеров*», все равно — из студентов или рабочих они выработаются»⁴⁶. В следующем году на втором съезде РСДРП Ленин скажет: «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров»⁴⁷. Затем Ленин будет защищать правильность линии, принятой в 1901—1902 годах, когда «преувеличивали» значение организации профессиональных революционеров, будет защищать эту линию от нападков тех, кто не видел в этом необходимого этапа в развитии партии. На разных этапах организационные формы, принятые большевиками, а затем и коммунистическими партиями, профессиональный революционер и устойчивая, хранящая преемственность организация руководителей сохраняли свое значение, о котором говорил Ленин в «Что делать?».

В разделе «„Заговорщическая“ организация и „демократизм“» IV главы «Что делать?» Ленин объяснял, по какой причине нельзя применять демократические принципы к партии, борющейся в условиях подполья против гнета самодержавия: подобные принципы предусматривают «выборность всех функций» и самую «полную гласность» до такой степени, что определенного «деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии»⁴⁸. Примером демократической организации подобного типа «в стране с политической свободой» и в абсолютно иных условиях Ленин считал немецкую социал-демократическую партию. К тому же он особо подчеркивал, что недемократический централизм, который он считал необходимым для русской партии в 1902 году, был вызван исключительно условиями, в которых ей пришлось действовать⁴⁹. И действительно, как только позволили условия, были введены и демократические нормы. Опыт подпольной работы большевиков и соответствующие организационные формы,

⁴⁵ Там же, с. 124.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, т. 8, с. 247.

⁴⁸ Там же, т. 6, с. 139.

⁴⁹ См. там же, с. 138, 139.

развившиеся в тот период, дали большевикам огромное преимущество по сравнению с социал-демократическими партиями Западной и Центральной Европы, в особенности во время первой мировой войны; «прикровенный... лицемерный... оппортунизм»⁵⁰ этих последних привел к тому, что даже бывшие «левые» марксисты, такие, как Каутский, оказались абсолютно неподготовленными как психологически, так и организационно пойти по пути нелегальной борьбы, обязательной для последовательного сопротивления империалистической войне.

В «Что делать?» уже просматриваются, хотя и применительно к тогдашним условиям, элементы будущей «партии нового типа». В «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (сентябрь 1902 года) Ленин развил далее свои идеи по организации партии, придавая особое значение фабрично-заводским организациям: «Каждый завод должен быть нашей крепостью»⁵¹. Подобная организация должна была стать основным звеном коммунистических партий — в противовес традиционным организационным формам социал-демократии, основанным на территориальном принципе избирательного округа⁵².

3. Большевики и меньшевики

С этого времени великая битва внутри РСДРП развернулась между «экономистами» и «искровцами» (Плеханов, Ленин, Мартов, Аксельрод и Троцкий). На II съезде партии (на самом деле это был первый ее съезд в полном смысле слова) в июле—августе 1903 года «искровцы» разгромили «экономистов» по всем основным программным и политическим вопросам. В ходе дебатов как Плеханов, так и Мартов выступили в защиту ленинской работы «Что делать?», однако довольно быстро присоединились к мнению ее критиков⁵³. Еще до окончания съезда даже сами «искровцы» разошлись во мнениях по вопросу о членстве в партии, альтернативно сформулированном Лениным и Мартовым, в 1-м параграфе ее Устава. Обе стороны признавали, что членом партии «считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию» материально. Но Ленин при поддержке Плеханова хотел добавить: «поддерживающий партию как материальными

⁵⁰ Там же, т. 27, с. 108.

⁵¹ Там же, т. 7, с. 15.

⁵² См.: W. S. *Mitkewitsch-Kapsukas*. — In: Lenin über Organisationsfragen. Wien, 1924, S. 11—12; O. *Piatnitsky*. The Bolshevisation of the Communist Parties. London s. d. (1 ed. 1934), p. 3—4; D. *Fricke*. Die Organisationsfrage in der internationalen Arbeiterbewegung am Ausgang des 19. Jahrhunderts. — In: „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“, 1974, Bd. XXII, p. 1078 ff.

⁵³ См.: 1903: Second Congress Minutes, p. 152, 158—159.

средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций», вместо формулировки, предложенной Мартовым: «...и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»⁵⁴.

Формулировка Мартова предполагала более «эластичную» идею партии, которую позднее Ленин назовет «анархизмом» и «оппортунизмом в организационных вопросах»⁵⁵. Противники Ленина определяют его попытки ограничить членство в партии, в сущности, «как антисоциалистические, которые могут низвести партию до уровня какого-то союза конспираторов и изолировать ее от рабочего класса»⁵⁶. Но даже обе формулировки, вместе взятые, никак не оправдывают резкий разрыв, который за этим последовал. Сам Ленин скажет, что Каутский, по мнению которого формулировка Мартова более подходила для России, «ошибается, если он думает, что при русском полицейском режиме существует такое большое различие между принадлежностью к партийной организации и просто работой под контролем подобной организации»⁵⁷.

Впоследствии, в 1906 году, в связи с IV съездом партии меньшевики сочли возможным присоединиться к ленинской формулировке 1-го параграфа Устава⁵⁸. Более того, уже в конце 1905 года конференция меньшевиков решила отказаться от старой формулировки, о которой сам Мартов написал, что она «ослабляла строго партийный характер организации, поскольку не обязывала всех членов принадлежать к ее партийным организациям»⁵⁹. Несомненно, на меньшевиков, которые всегда в сильной степени ориентировались на западную социал-демократию, большое влияние оказывало то, что съезд немецких социал-демократов, состоявшийся в Йене в сентябре 1905 года, принял новое постановление об обязательной принадлежности каждого социал-демократа к одной из партийных организаций»⁶⁰.

Именно «действительный характер тех *оттенков в воззрениях*, которые наметились или начали намечаться» в связи с этим «небольшим сравнительно разногласием», придал «огромное значение» голосованию на II съезде по первому параграфу. Это признал сам Ленин⁶¹. После принятия варианта Мартова 28 голосами против 22 при одном воздержавшемся⁶²

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 227—228.

⁵⁵ Там же, с. 366.

⁵⁶ J. Martov und T. Dan. Geschichte der russischen Sozialdemokratie, Berlin, 1926, S. 85.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 57, примечание.

⁵⁸ Там же, т. 13, с. 56.

⁵⁹ Martov—Dan, Geschichte der russischen Sozialdemokratie, p. 153—154.

⁶⁰ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, S. 100.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 240.

⁶² См.: 1903: Second Congress Minutes, p. 331.

расхождение между «искровцами» вновь проявилось и по другим вопросам, в особенности при голосовании состава руководящих органов партии. Однако на этот раз, после того как съезд покинули делегаты Бунда и органа «экономистов» — «Рабочего дела» (они были несогласны с предшествующими решениями и поддерживали Мартова), большинство завоевали сторонники Ленина. С тех пор сторонники Ленина стали называться большевиками, а сторонники Мартова — меньшевиками.

На съезде выяснилось, что за кажущимся согласием «искровцев» скрывались внутренние расхождения между теми, кто по политическому убеждению и темпераменту являлись сторонниками «твердой линии», и теми, кто, наоборот, склонялся скорее к «мягкой линии». Несомненно, Троцкий ссылался на позиции многих участников съезда, голосовавших, как и он сам, за Мартова, когда позднее писал, что всегда считал себя «централистом», но в то время не мог принять «сурового и властного централизма» Ленина, который требовал подчинения какого бы то ни было личного соображения революционным целям⁶³.

Хотя расхождения между большевиками и меньшевиками сначала касались лишь организационных вопросов, к концу 1904 года они перешли в область политической стратегии, где противоположные мнения об отношении к либералам и различия в понимании гегемонии вызвали нескончаемые принципиальные споры⁶⁴. Начало этих споров уже ощущалось в двух предсъездовских резолюциях об отношении к либералам. Первая, подписанная Старовером (Потресовым), Мартовым, Аксельродом, Троцким и другими, требовала временных соглашений с либералами, в то время как вторая, за подписями Плеханова, Ленина и других, придерживалась более твердой линии и подчеркивала необходимость их «разоблачения»⁶⁵. Тот факт, что были приняты обе резолюции, показывал, что необходимо время выяснения различных «оттенков мнения», с тем чтобы они оформились и стали настоящими политическими течениями. Прежде чем это произошло, Плеханов перешел на сторону меньшевиков, от которых отошел Троцкий, занявший независимую политическую позицию.

В работе «Шаг вперед, два шага назад», написанной в феврале — марте 1904 года, Ленин дал подробный анализ этого решающего II съезда, подчеркивая расхождения между большевистской и меньшевистской концепциями партии. Полемизируя с «оппортунистическими», политически расплыв-

⁶³ L. Trockij. *La mia vita*. 1961, p. 144.

⁶⁴ См.: V. Strada. *La polemica tra bolscevichi et menscevichi Sulla rivoluzione del 1905*. В книге: *Sofia del marxismo*, vol. 2, p. 443—492.

⁶⁵ См.: 1903: *Second Congress Minutes*, p. 465—466.

чатыми идеями меньшевиков, Ленин писал: «Мы — партия класса, и потому почти весь класс (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии...» Постоянная обязанность передового отряда «поднимать все более и более обширные слои до этого передового уровня»⁶⁶.

Ленин в особенности старался показать, что, «бойкотируя» партийные органы, образованные на основе решений большинства съезда, законность которых была признана также и Мартовым⁶⁷, Мартов и его меньшевистские соратники показали свою психологию «буржуазного интеллигента, который причисляет себя к «избранным душам», стоящим выше классовой организации и массовой дисциплины»⁶⁸. Их «Edeal-anarchismus» (т. е. анархизму «благородного» господина, барскому анархизму)⁶⁹ он противопоставлял «бюрократическую» идею о том, что партия должна строиться «сверху вниз, от партийного съезда к отдельным партийным организациям»⁷⁰. Ничего странного не было, писал он, во внутренних расхождениях партии и на съезде: «борьба *оттенков* в партии неизбежна и необходима, куда борьба не ведет к анархии и к расколу, куда борьба идет *в рамках*, одобренных сообще всеми товарищами и членами партии»⁷¹. Отвергая бланкизм, с его отказом от агитации и массовой пропаганды, Ленин принимал выдвинутое Аксельродом обвинение в «якобинстве» Ленина в следующем смысле: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ»⁷².

Переходя затем к проблеме пролетарской дисциплины, Ленин писал: «Именно фабрика... и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм,— продолжал он,— как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов раз-

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 245.

⁶⁷ См.: 1903: Second Congress Minutes, p. 446.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 343—344.

⁶⁹ Там же, с. 379.

⁷⁰ Там же, с. 394, примечание.

⁷¹ Там же, с. 333.

⁷² Там же, с. 370.

лично между эксплуататорской стороной фабрики... и ее организующей стороной... Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной „школе”»⁷³.

4. Критика со стороны Троцкого и Розы Люксембург

Ссылки Ленина на фабричную дисциплину стали одной из тем, к которым Троцкий также обратился в 1904 году в своей известной книге «Наши политические задачи». В ней он предсказывал, что ленинские методы ведут к такому положению, когда «партия „подменяется” партийными органами (аппаратом), партийные органы — центральным комитетом и, наконец, центральный комитет — „диктатором”»⁷⁴. Полемизируя с «Шаг вперед, два шага назад», где, несомненно, была выражена иная позиция, нежели в «Что делать?», Троцкий писал: «Согласно новой философии Ленина... для пролетариата достаточно пройти через «фабричную школу», чтобы преподать интеллигентам, которые, между прочим, играют командную роль в своей партии, уроки дисциплины... Тот самый пролетариат, который вчера, как вы говорили, стихийно катился по пути «тред-юнионизма», сегодня призван давать уроки политической дисциплины. И кому? Той самой интеллигенции, которая вчера должна была привносить чужие политические сознательность пролетариату!»⁷⁵

В своей статье «Проблемы организации русской социал-демократии», появившейся в 1904 году как на страницах «Нойе цайт», так и в «Искре» (руководство которой уже контролировали меньшевики), Роза Люксембург также критиковала отношение Ленина к фабричной дисциплине. «Рабской покорности угнетенного класса» она противопоставляла «организованное восстание класса, борющегося за освобождение», и «добровольную самодисциплину социал-демократии»⁷⁶.

Она обвиняла Ленина в «ультрацентрализме» и в том, что он выбрал якобинско-бланкистский тип организации партии, основанный на «слепом, абсолютистском подчинении отдельных органов партии авторитету центрального органа и расширению решающих санкций этого последнего до самой отдаленной периферии партийной организации»⁷⁷. Признавая

⁷³ Там же, с. 379.

⁷⁴ Л. Троцкий. Наши политические задачи. Женева, 1904, с. 54.

⁷⁵ Там же, с. 73, 75.

⁷⁶ R. Luxemburg. Problemi di organizzazione della socialdemocrazia russa. In: Scritti politici, a cura L. Basso. Roma, 1967, p. 223.

⁷⁷ Ibid., p. 222.

необходимость того, что задача социал-демократической организации — вносить «политическое сознание» в классовую борьбу⁷⁸, Роза Люксембург прежде всего заботилась о «прямых и самостоятельных действиях массы»⁷⁹ и настаивала на них. Самые положительные тактические повороты в России за последние десятилетия «были всякий раз стихийным результатом самого движения»⁸⁰.

Как и Ленин, Роза Люксембург и Троцкий отождествляли себя с активным марксизмом и открыто противопоставляли себя марксизму II Интернационала. Поэтому в конце концов после войны и русской революции они присоединились к коммунистической партии. Однако в период, предшествовавший обоим событиям, оба они отказывались видеть в ленинской концепции организации партии ключ борьбы против оппортунизма. Роза Люксембург считала, что это «чисто техническая сторона социал-демократической деятельности», и противопоставляла ей «сознательность и политическое воспитание масс в ходе их борьбы»⁸¹. В то же время, как это ни парадоксально, она писала, что в таких партиях, как французская и немецкая, «более строгое проведение централистского принципа в организации и более жесткая формулировка параграфов устава о партийной дисциплине» могли бы послужить «своевременной защитой от оппортунистического течения»⁸².

В книге «Шаг вперед, два шага назад» Ленин, повторяя замечание Троцкого на II съезде о том, что «оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава», подчеркивал: «Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие»⁸³. Приводя эти слова Ленина, Роза Люксембург подчеркивала, что оппортунизму может способствовать как чрезмерный централизм, так и децентрализация⁸⁴. И, явно намекая на немецкую партию, выделяла «исключительно консервативную... роль» социал-демократического руководства в том, что касалось тактических новинок, а также отмечала в «буржуазном парламентаризме... особый культурный слой настоящего оппортунистического течения в социалистическом движении Западной Европы»⁸⁵.

⁷⁸ Ibid., p. 218.

⁷⁹ Ibid., p. 221.

⁸⁰ Ibid., p. 224.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid., p. 234.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 258, 259, примечание.

⁸⁴ R. Luxemburg. Problemi di organizzazione..., cit., p. 232.

⁸⁵ Ibid., p. 225, 229.

Учитывая несомненную разницу в подходе к этой теме Розы Люксембург и Ленина, необходимо, однако, рассматривать это в связи с различиями в национальной обстановке, на что они оба в то время обращали особое внимание. В 1904 году и в последующие годы для Розы Люксембург самой важной борьбой внутри партии, в которой она приняла активное участие, была борьба против застывшего бюрократического консерватизма и парламентского оппортунизма немецкой социал-демократической партии. Для Ленина, который пытался создать действенную подпольную партию с централизованным руководством, исходя из «бесформенного конгломерата местных партийных организаций»⁸⁶, проблема представлялась диаметрально противоположной.

Именно эти специфические русские проблемы подчеркивал Ленин в одной из ответных статей Розе Люксембург, а также Каутскому («Искра» напечатала письмо Каутского, где он одобрительно отзывался о позиции меньшевиков⁸⁷). В своем ответе Розе Люксембург, который Каутский отказался опубликовать в «Нойе цайт»⁸⁸, Ленин обвинил ее в том, что она «величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией...». Отказываясь принимать во внимание ее обвинения в «ультрацентрализме» и «бланкизме», он утверждал, что речь шла не о «рабской покорности» или «слепом подчинении»: «спор у нас велся, главным образом, о том, должны ли ЦК и ЦО представлять собой направление большинства или не должны»⁸⁹.

Кроме того, то, что именно он представлял себе «партию в виде фабрики», писал Ленин, просто смешно. Тот, кто это утверждает, «смешивает две разные стороны фабричной дисциплины». «Соотношение между якобинством и революционной социал-демократией «смешивает» с отождествлением самих этих направлений»⁹⁰. Истина всегда «конкретна», настойчиво повторял Ленин, и «лекция» Розы Люксембург «об оппортунизме... в странах парламентаризма» ничего общего не имеет с разновидностями русского оппортунизма, о которых идет речь в его книге. К тому же, продолжал Ленин, «я

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 51.

⁸⁷ Написанное К. Каутским в мае 1904 года большевику Лядову (Мандельштаму), оно было опубликовано в конце месяца в № 66 «Искры».

⁸⁸ Каутский заявил, что считает «бесполезной и даже вредной» дискуссию по русским вопросам, но предложил Ленину «дискуссию по принципиальным организационным вопросам» (см.: D. Geyer. Die russische Parteispaltung im Urteil der deutschen Sozialdemokratie, in „International Review of Social History“, vol. III, 1958, n. 2, p. 217—219).

⁸⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 47, 43.

⁹⁰ Там же, с. 45, 47.

никогда и нигде не говорил подобной бессмыслицы — что устав партии является оружием „сам по себе”»⁹¹.

5. Образец массовой партии (1905—1907)

Реакция Ленина на значительную временную свободу после революции 1905 года показывает, что его организационная практика не могла удержаться в рамках консерватизма и безынициативности, свойственных руководству немецкой социал-демократии. До сего времени он отдавал предпочтение узкому составу партии в противовес широкому, за который выступали меньшевики; теперь же он настаивал на необходимости отбросить всякие предосторожности и привлекать в партию новых членов, расширяя ее состав, несмотря на оппозицию большевистских комитетчиков, замерших на прежних позициях. Уже в феврале 1905 года Ленин говорил о необходимости привлечения молодых сил: «...надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*... Бросьте все старые привычки неподвижности, чиновничества и пр. ...Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты... Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей»⁹².

В марте 1905 года в статье «Новые задачи и новые силы» он писал: «...мы должны приспособляться к совершенно новому размаху движения... надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь идти в ногу с возросшим во сто раз потоком народной революционной энергии... Нужно создавать... не медля ни минуты *сотни* новых организаций»⁹³.

Теперь это был лучший способ, с помощью которого партия могла ответить на задачу вести за собой класс, «руководить классом, быть его организатором». Естественно, все это не означало, «чтобы следовало оставить в тени выдержанную подготовку и систематическое обучение истинам марксизма»⁹⁴. В мае 1905 года на III съезде партии, в котором меньшевики не участвовали, поскольку собрались на параллельной конференции, Ленин дал бой большевистским комитетчикам, защищая свое предложение (которое с самого начала было обречено на поражение) ввести в партийные комитеты по восемь рабочих против двух интеллигентов, поскольку «у рабочих есть классовый инстинкт»⁹⁵. В ноябре он уже требовал,

⁹¹ Там же, с. 47, 49.

⁹² Там же, с. 247.

⁹³ Там же, с. 301, 302, 304.

⁹⁴ Там же, с. 302, 302—303.

⁹⁵ Там же, т. 10, с. 163.

чтобы «на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов»⁹⁶.

Насколько изменилось его отношение к этому вопросу по сравнению с тем, что он говорил в «Что делать?», показывает статья «О реорганизации партии», появившаяся в ноябре 1905 года, где он писал: «Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность»⁹⁷. Статья отвечала также на возражения, выдвинутые против его проекта массовой партии: «Не забывайте, что во всякой живой и развивающейся партии всегда будут элементы неустойчивости, шатания, колебаний. Но эти элементы поддаются и поддадутся воздействию выдержанного и сплоченного ядра социал-демократов»⁹⁸.

С такой же гибкостью и восприимчивостью к народной инициативе Ленин поддержал в отличие от многих петербургских большевиков стихийное образование местного Совета. «Мне сдается, — писал он в ноябре 1905 года, — что для руководства политической борьбой равным образом безусловно необходимы в настоящее время и Совет... и партия»⁹⁹. Во время революции 1905—1907 годов партия с нескольких тысяч выросла до более чем 30 тысяч членов, которые в апреле 1906 года выбрали своих кандидатов на IV (Объединительный) съезд, затем достигла максимального роста почти в 150 тысяч членов, представленных на V съезде в мае 1907 года¹⁰⁰. Таким образом, партия подошла к этапу, на котором Ленин мог утвердительно констатировать, что большевики стали «массовой» партией¹⁰¹. Однако вскоре эта тенденция в связи с наступлением реакции пойдет в обратном направлении.

6. Демократический централизм, партия и фракционность

Уже в 1903 году были приняты первые меры, направленные на то, чтобы дать партии подробную информацию, что

⁹⁶ Там же, т. 12, с. 90, примечание.

⁹⁷ Там же, с. 86.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, с. 63. Статья была написана Лениным в Стокгольме для большевистской петербургской газеты «Новая жизнь», которая, однако, ее не опубликовала.

¹⁰⁰ В отношении цифровых данных о большевиках и меньшевиках и др. см.: D. Lane. The Roots of Russian Communism. London, 1965, p. 12—13. В 1907 году было уже 46 тысяч большевиков против 38 тысяч меньшевиков; остальные принадлежали к еврейскому Бунду, а также польско-литовской организации партии.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 164.

Ленин считал неотъемлемой чертой внутренней партийной демократии. Опубликование исчерпывающего и подробного доклада на II съезде партии в 1903 году — единственная предосторожность состояла в том, что настоящие имена участников были заменены псевдонимами, — представляло важный шаг вперед в этом направлении. Вся партия, писал Ленин, должна иметь в распоряжении *«весь, решительно весь материал для оценки всех и всяческих разногласий»* в любом дискуссионном вопросе. И добавлял, что подобная информация «по возможности» не должна скрываться даже от «сторонней публики». Он писал, что нельзя быть «слишком... резким по отношению к „анархическому индивидуализму“», и считал возможным «даже некоторые отступления» «от красивых схем централизма и от безусловного подчинения дисциплине»¹⁰².

С начала революции 1905 года партия «воспользовалась временным просветом свободы для осуществления идеально-демократического строя открытой организации, с выборной системой, с представительством на съездах по числу организованных членов партии»¹⁰³, — писал Ленин в 1907 году. Если тезисы Коминтерна в отношении демократического централизма, о которых мы говорили вначале, подчеркивали именно сторону централизма, то в тот период, наоборот, предпочли поставить акцент на демократизме в противовес позиции, взявший прежде верх внутри партии. В России термин «демократический централизм» впервые появился в резолюции о реорганизации партии, набросанной Лениным¹⁰⁴ и затем принятой Таммерфорской конференцией большевистской фракции в декабре 1905 года. В ней заявлялось: «Признавая бесспорным принцип демократического централизма, конференция считает необходимым проведение широкого выборного начала с предоставлением выбранным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий... Конференция предлагает всем организациям партии провести немедленно и самым энергичным образом реорганизацию местных организаций на выборных началах...»¹⁰⁵. Принципиальная декларация была расширена в резолюции по организации партии, написанной Лениным для IV (Объединительного) съезда, в которой предлагалось, чтобы отступления от принципа выборности партии сверху донизу были «допустимы лишь при непре-

¹⁰² Там же, т. 8, с. 94, 95. Ленин написал это письмо сразу же после того, как ушел из редакции газеты, перешедшей под контроль меньшевиков.

¹⁰³ Там же, т. 16, с. 102.

¹⁰⁴ Там же, т. 12, с. 83—93.

¹⁰⁵ IV (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 555.

одолимых полицейских препятствиях и в исключительных особо предусмотренных случаях»¹⁰⁶.

Съезд, состоявшийся в апреле—мае 1906 года, на котором присутствовали 62 делегата от меньшевиков и 46 от большевиков, единодушно принял Устав, в котором впервые утверждалось, что «все организации партии строятся на началах демократического централизма». Между прочим, там говорилось: «Все организации партии автономны во внутренней своей деятельности. Всякая утвержденная организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу... ЦК и ответственная редакция ЦО выбираются на съезде... Верховным органом партии является съезд»¹⁰⁷.

До 1912 года большевики и меньшевики представляли отдельные фракции единой партии. В октябре 1905 года Ленин писал: «Мы не должны смешивать политику объединения двух частей с *спутыванием* обеих частей... А сейчас надо бороться самым решительным образом с *спутыванием* двух частей партии... мы ценим свою организацию, хотя бы зачаточную, и будем отстаивать ее кулаками и зубами... Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованы... тогда наше твердое ядро... поведет за собой всю ораву „организационной туманности“»¹⁰⁸.

А в январе 1906 года он так развивал эти идеи: «Слияние необходимо... В интересах слияния надо вести борьбу с меньшевиками из-за тактики в рамках товарищества... Идейную борьбу за тактику, признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца... когда большинство вполне определилось, меньшинство обязано подчиниться ему в своем политическом поведении, сохраняя право критики и агитации за разрешение вопроса на новом съезде»¹⁰⁹.

По этому пункту обе фракции пришли к соглашению. По инициативе большевиков делегаты съезда избирались на основе программ собственных фракций.

Во время съезда Ленин неоднократно подчеркивал, что он «отнюдь не «поддерживал» ...утверждения... что работать вместе в одной партии большевики и меньшевики не могут»¹¹⁰. Непосредственно после съезда, который избрал Центральный Комитет из шести меньшевиков и трех большевиков, Ленин составил обращение, подписанное 26 делегатами большевиков. Его напечатали в виде листовки. В ней говорилось: «Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 238.

¹⁰⁷ IV (Объединительный) съезд РСДРП..., с. 533—534.

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 80.

¹⁰⁹ Там же, т. 12, с. 173.

¹¹⁰ IV (Объединительный) съезд РСДРП..., с. 454.

при этом мы заявляем перед всей партией, что мы — против всякого раскола. Мы стоим за подчинение решениям съезда... Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчетности и сменяемости всех должностных лиц партии. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от расколов, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместимой со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда»¹¹¹.

В мае 1906 года сразу же после окончания съезда Ленин сформулировал свое классическое определение демократического централизма в критической статье по поводу резолюции Центрального Комитета, в которой требовалось, чтобы члены партии воздерживались от критики решений съезда на собраниях: «Резолюция ЦК и неправильна по существу, и *противоречит уставу партии*. Принцип демократического централизма и автономии местных учреждений означает именно *свободу критики*, полную и повсюду, раз не нарушается этим единство *определенного действия*, — и недопустимость *никакой* критики, подрывающей или затрудняющей единство решенного партией действия»¹¹².

Чтобы пояснить свою точку зрения, Ленин приводил пример выборов в Думу, которые как раз в это время происходили: «...*критика* решения участвовать в выборах в *такое* время, когда выборы еще не назначены, допустима *везде* со стороны членов партии». На время выборов, в которых партия постановила принять участие, наоборот, «...*никакие* призывы *не выбирать* абсолютно недопустимы *нигде* со стороны членов партии. В это время недопустима и «критика» постановления о выборах...»¹¹³

Большевики, бывшие в меньшинстве в руководстве партией в 1906—1907 годах, напомнили Мартову и Центральному Комитету «о праве *оппозиции*, т. е. о праве *всякой* партийной организации, в пределах воли съезда, оспаривать тактику ЦК и исправлять его уклонения и ошибки... дезорганизует тот, кто нарушает законные права партийных организаций»¹¹⁴.

Даже после V съезда (май—июнь 1907 года), когда незначительным большинством большевики победили на выборах в Центральный Комитет, Ленин продолжал защищать свободу критических выступлений. «Ибо не может быть мас-

¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 399—400.

¹¹² Там же, т. 13, с. 129.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же, с. 192—193.

совой партии, партии класса, — писал он в ноябре 1907 года, — без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления *масс* с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию. Без этого нельзя сложить партии, достойной этого слова, и мы *складываем* ее»¹¹⁵.

Однако Ленин делал различие между тем, что приемлемо внутри партии, и тем, что приемлемо внутри ее фракции. «Большевизм, — писал он, — представлен у нас большевистской *фракцией* партии. Фракция же не есть партия. Партия может заключать целую гамму оттенков, из которых крайние могут даже резко противоречить друг другу. В германской партии, рядом с яркоревolutionным крылом Каутского, мы видим архиревизионистское крыло Бернштейна... фракция есть группа *единомышленников*, составившаяся с целью влиять, прежде всего, на партию в определенном направлении, с целью проводить в партии в возможно более чистом виде свои принципы. Для этого необходимо действительное *единомыслие*»¹¹⁶. Именно на основе этого принципа в июне 1909 года расширенная редакция большевистской газеты «Пролетарий» заявила: в большевистской фракции нет места левым уклонистам-отзовистам. «Отколовшиеся от нашей фракции нисколько не теряют возможности работать в партии, — писал Ленин в июле того же года. — Либо они останутся «дикими», т. е. вне фракций, и общая обстановка партийной работы должна будет втянуть их. Либо они попытаются создать новую фракцию — это их законное право, если они хотят отстаивать и развивать свой особый оттенок взглядов и тактики...»¹¹⁷

Годы реакции (1908—1912) тяжело повлияли на судьбы партии в России, и большевики констатировали, что их метод работы — в отличие от меньшевиков — более «жесткий», опирающийся на дисциплину, дает им возможность лучше отвечать требованиям момента. Борьба между большевиками (которые с 1910—1911 годов были союзниками Плеханова и его меньшевистской группы, выступавшей за сохранение партии) и «ликвидаторами» — меньшевиками по вопросу нелегальной организации партии приобретала все более резкий характер. «Ликвидаторы» принижали значение этой организации и, наоборот, выступали за легальную деятельность, более широкое понятие партии и за идею широкого рабочего съезда. Однако Ленин говорил, что «...единственно правильным типом организационного строительства в переживаемую эпоху является: нелегальная партия, как сумма партийных

¹¹⁵ Там же, т. 16, с. 164—165.

¹¹⁶ Там же, т. 19, с. 6—7.

¹¹⁷ Там же, с. 49—50.

ячеек, окруженных сетью легальных и полуполитических рабочих обществ»¹¹⁸. Когда фракционная борьба с меньшевиками внутри единой партии, казалось, оттеснила на второй план борьбу большевиков за построение партии на этих организационных принципах, большевики собрались на свою Пражскую конференцию (январь 1912 года), которая избрала новый Центральный Комитет¹¹⁹ и окончательно порвала с меньшевиками. Родилась большевистская партия, «партия нового типа», объединившая марксистов-революционеров. Старое название оставалось до 1918 года. В 1918 году было принято название «Коммунистическая партия».

«Не может быть единства ни федеративного ни какого-либо другого с либеральными рабочими политиками, с дезорганизаторами рабочего движения, с нарушителями воли большинства, — писал Ленин в апреле 1914 года. — Может и должно быть единство всех последовательных марксистов, всех защитников марксистского целого и неурезанных лозунгов независимо от ликвидаторов и помимо них»¹²⁰.

Ленин, однако, не считал еще эту организацию международным прототипом. Сопrotивляясь попыткам II Интернационала объединить меньшевиков и большевиков в единой партии, он основывал свою аргументацию на специфике положения в российской социал-демократии. «Отсюда видно, как ошибочно мнение¹²¹, — подчеркивал Ленин, имея в виду Каутского, — будто наши разногласия с ликвидаторами не глубже, а менее значительны, чем разногласия так называемых радикалов и умеренных в Западной Европе. Ни в одной, буквально ни в единой западноевропейской партии нельзя найти ни одного общепартийного решения против людей, желающих *распустить* партию и *заменить* ее новую!... Нигде в Западной Европе вопрос не стоит, как стоит он у нас, о самом *существовании* партии, о *бытии* партии.

Это — разногласие не организационное, не о том, *как* строить партию, а расхождение по вопросу о *бытии* партии. Тут не может быть и речи ни о каком примирении, ни о каком соглашении, ни о каком компромиссе»¹²².

Определяя выдвинутые большевиками условия объединения, которого требовал II Интернационал, условия — он был в этом уверен — неприемлемые для меньшевиков, Ленин определял партию совсем иначе, в отличие от более широкого понятия, которое он защищал до 1912 года и которое вклю-

¹¹⁸ Там же, т. 22, с. 260.

¹¹⁹ Все его члены были большевиками, за исключением одного меньшевика — сторонника партии.

¹²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 79.

¹²¹ См. письмо К. Каутского Г. В. Плеханову от 8 марта 1911 года, цит. в: *Г. Наупт. Lenin e la Seconda Internazionale (Carteggio Lenin-Huysmans)*. Roma, 1969, p. 62.

¹²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 367.

чало в себя «целую гамму» различных мнений и различных фракционных органов: «Единство возможно лишь, если ликвидаторы готовы решительно порвать со всей своей тактикой и перестать быть ликвидаторами... Признается безусловно недопустимым существование двух конкурирующих газет в одном и том же городе или месте»¹²³. С этого времени и в дальнейшем практика большевиков такой и оставалась. Те же самые ограничения будут применяться в течение всей оставшейся жизни Ленина также и к праву меньшинства «обсуждать перед всей партией программные, тактические и организационные разногласия в дискуссионном журнале»¹²⁴. В 1914 году, после того как Роза Люксембург заявила, что, по ее мнению, в России «„царит“ хаос фракционной борьбы» и что основная ответственность за это падает на «„ленинскую“ фракцию», Ленин уверенно отвечал: «...в России ничего подобного «хаосу фракционной борьбы» не происходит. Там есть только борьба с ликвидаторами, и только в этой борьбе складывается действительно рабочая социал-демократическая партия, которая уже теперь объединила подавляющее большинство, $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России»¹²⁵. Вне этого единства рабочих, продолжал он, цитируя слова одного петербургского рабочего, «стоят лишь „генеральные штабы без армий“».

Весьма яркое представление об организационной силе большевистской партии мы находим в рапорте царской полиции 1913 года, опубликованном после революции: «Ленинская фракция всегда организована лучше других, более решительна в достижении собственных целей, обладает более богатой инициативой в распространении собственных идей среди рабочих... Кружки, ячейки и большевистские организации существуют уже почти во всех промышленных центрах... В настоящий момент вся подпольная партия смыкает ряды вокруг большевистских организаций, ставших постоянными представителями рабочей социал-демократической партии»¹²⁶.

На протяжении всей войны организация продолжала свою подпольную работу против монархии и империализма. После Февральской революции она превратилась вскоре в массовую организацию рабочего класса, а затем и в движущую силу Октябрьской революции. Сама Роза Люксембург, сначала не скупившаяся на замечания по поводу важнейших сторон политики и деятельности большевиков в этой революции, все-

¹²³ Там же, с. 384, 387.

¹²⁴ Там же, с. 387. См. решение X съезда Российской Коммунистической партии (большевиков) (1921), по которому запрещалось образование фракций, но говорилось о более регулярном выходе «Дискуссионного листка». — Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 571—573.

¹²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 364.

¹²⁶ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), с. 437, 439, 441.

таки признала организационную роль большевистской партии, по отношению к которой она вначале была настроена весьма критически. В 1918 году она писала: «Реальная диалектика революций... не идет к революционной тактике через большинство, но к большинству через революционную тактику». Восхваляя решительность Ленина и его товарищей «в решающий момент», она добавляла, что «только партия, способная вести, то есть звать вперед, может ожидать продолжения бури»¹²⁷.

7. Война и Интернационал

До 1914 года большевики подчеркивали, что они «хотят не создать особое направление в социализме, а применить к новым условиям нашей революции основные принципы всей международной революционной, ортодоксально-марксистской социал-демократии»¹²⁸, придерживаться образца партии, единого для всех стран. С началом войны и перед лицом краха II Интернационала, а также, в частности, вследствие того, что немецкие социал-демократы стали сторонниками войны, Ленин наметил новый тип партии в международном масштабе, который следовал бы примеру большевиков. Уже в начале сентября 1914 года в большевистских тезисах о войне, написанных Лениным, со ссылкой на «идейно-политический крах» старого Интернационала и на «капитуляцию» центристов типа Каутского перед лицом оппортунизма, говорилось: «Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме»¹²⁹. В январе 1915 года Ленин писал, что социалистическая партия старого типа, «которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода», уже пережила себя; «рабочие большинства европейских стран оказались *обманутым фиктивным единством* оппортунистов и революционеров... Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 года, безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов»¹³⁰. Тем более что, подчеркивал он несколько месяцев спустя, «в общем и целом старое, свойственное эпохе II Интернационала (1889—1914), деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное *соответствует* новому делению на шовинистов и интернационалистов»¹³¹.

¹²⁷ R. Luxemburg. La rivoluzione russa. — In: Scritti politici, cit., p. 571.

¹²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 48.

¹²⁹ Там же, т. 26, с. 5.

¹³⁰ Там же, с. 115.

¹³¹ Там же, с. 250.

Размышляя о социальных основах оппортунизма, с целью обосновать мнение, что «оппортунизм — не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи»¹³², Ленин приступил к выработке теории, которая связывала это явление с образованием рабочей аристократии, продукта империализма. Он объяснял, что крах II Интернационала имел общий характер, и подкреплял свою аргументацию в пользу нового Интернационала и новых партий с помощью анализа «высшей стадии» капитализма¹³³. Опираясь на некоторые замечания Маркса и Энгельса, которыми крупнейшие руководители и теоретики социал-демократии, начиная с Каутского, по его мнению, намеренно пренебрегали, Ленин писал: «С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция масс, угнетаемых сильнее прежнего... скинуть с себя это иго...»¹³⁴. Этой борьбе было предназначено стать отличительной чертой «истории рабочего движения» — именно потому, что она была «экономически мотивирована», — в ситуации, способной обусловить существование самих политических институтов демократических государств, и в перспективе ей было предназначено придать глубоко новаторский смысл интернационализму.

На этой основе Ленин осуществлял всю свою деятельность, начиная с 1917 года. Победа Октябрьской революции в России и последующий революционный подъем в Западной и Центральной Европе явились необходимым толчком для образования Коммунистического Интернационала в 1919 году. Таким образом, в период между 1919 и 1921 годами все ведущие страны пришли к образованию коммунистических партий, которые поставили под вопрос как политический выбор, так и организационные формы социал-демократических партий.

¹³² Там же, с. 253.

¹³³ См., в частности, гл. VIII работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 396—406) и статью «Империализм и раскол социализма» (там же, т. 30, с. 163—179).

¹³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 175.